

ВАДИМ МЕСЯЦ

КРОВАВЫЙ
ДОЖДЬ

Часть сборника: Жить! (сборник)

Вадим Месяц
Кровавый дождь

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Месяц В. Г.

Кровавый дождь / В. Г. Месяц — «Эксмо», 2018

«Я вытащил на улицу стол, стаскал попарно стулья и расставил их вдоль металлической ограды у входа. Я обещал Норману вернуть мебель, но не хотел его больше видеть. Со стороны было похоже, что я собираюсь открыть здесь закусочную. Не хватало скатерти и меню. Я вернулся в подвал и посмотрел через шелку жалюзи, довольный своей работой. Стол красовался рядом с баком для строительного мусора: хорошо смотрелся на его фоне...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Месяц В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Вадим Месяц

Кровавый дождь

1

Я вытащил на улицу стол, стаскал попарно стулья и расставил их вдоль металлической ограды у входа. Я обещал Норману вернуть мебель, но не хотел его больше видеть. Со стороны было похоже, что я собираюсь открыть здесь закусочную. Не хватало скатерти и меню. Я вернулся в подвал и посмотрел через щелку жалюзи, довольный своей работой. Стол красовался рядом с баком для строительного мусора: хорошо смотрелся на его фоне. Джефферсон – улица итальянская, через пару домов от меня родился Фрэнк Синатра. Район не бедный, но итальянцы тоже любят хорошую мебель. Исчезновения лучших предметов гарнитура я не заметил: приложился к фляге «Христианских братьев», и, должно быть, о чем-то задумался. Когда вышел из оцепенения, стола и стульев не было. С удовольствием бы посмотрел на их новых владельцев. Следующим номером программы был книжный шкаф. Легкий, удобный. С ним в принципе можно было ходить по городу, держа его под мышкой. Книг у меня было мало: найденные на улице справочники и журналы мод. Для полной комплектации я поставил их на полки. Шкафом никто не заинтересовался. Я покачался в кресле-качалке, найденном на одной из здешних улиц, выкурил сигаретку и вернул качалку городу. Господь дал – Господь взял. Кресло подхватила пуэрториканская парочка: полные, бесформенные, одинаковые. Кранты моему креслу, сказал я себе. Плетеная мебель создается для аристократов, а такие задницы оно долго не выдержит. В комнате оставались две раскладушки, составленные вместе на случай появления дам, исполинский телевизор с маленьким уютным экраном и подвесной телефон: обыкновенный, серый, за десять долларов. С телевизором расставаться не хотелось, хотя я его почти никогда не смотрел (к тому же он был чудовищно тяжелым). Его забрала та же латинская парочка. За раскладушками проследить не успел: выставил их у заборчика, зашел в кафе за сэндвичем.

– Целый год здесь прожил, а вас не заметил. Хорошие бутерброды?

– Итальянские. У нас все самое лучшее.

Дома оставались матрас, подушка и телефон. Я развернул длинный «сабвей» с ростбифом и бесстрастно съел его, запивая бренди. Постельное белье выкинул через окно. Оставался телефон. Я набрал номер местного такси, сказал, что через пять минут буду у двери. Оторвал аппарат от стены, подхватил сумку и вышел. На ступеньках сидел Джонни, представившийся когда-то домоправителем. По своему обыкновению он был гол по пояс и немного пьян. Я швырнул пустую флягу в мусорку, протянул Джонни оборванный телефон.

– Скажи Люси, что я уехал, – сказал я. – И не вернусь.

– Больно нужен ты моей Люси, – пробормотал сосед. – Она будет архитектором.

Я попросил таксиста остановиться около агентства недвижимости на Вашингтон-стрит, забросил ключи и через час уже был на вокзале. В кассе меня дважды переспросили о пункте назначения. Я даже начал злиться.

– Вы не в курсе? Это столица штата!

– У нас много городов с похожим названием.

2

Конечно, много. Кто бы сомневался. Но мой – самый лучший. Самый, самый. В дорогу я купил коробку с салатом, куриные палочки, связку питьевой воды. Выпить, на худой конец,

можно и в ресторане. Вагон оказался полупустым: здесь можно будет хорошо отоспаться, если в Виргинии не набьется народа. Я лег на сиденье, не снимая обуви, положил рюкзак под голову. Дождь пошел вместе с движением поезда. Звончек, рывок, еще рывок. Поезд и дождь набирали темп одновременно. Через несколько минут, когда поезд вышел из туннеля, они шли нога в ногу. Стук колес вошел в ритм с шумом дождя. Эта удивительная синхронность казалась подозрительной. Когда подошел кондуктор, я приподнялся и протянул маленький картонный билетик.

– У вас всегда так?

– ?

– Ну, дождь?

Он не понял. Приветливо щелкнул компостером и, покачиваясь, пошел к двум негр-лам, лежавшим через ряд от меня.

– В вашем поезде всегда дождь? – спросила одна из них, надрываясь от хохота.

От шума дождя я засыпал, от шума дождя я просыпался. Казалось, что ливень, зацепившись за наш состав в Нью-Йорке, катится вместе с поездом. Я был уверен, что за последним вагоном его фронт обрывается. Я даже был готов пойти в конец поезда, чтобы удостовериться в своей правоте, но сон побеждал. Тем более последний тамбур, по моим соображениям, должен был быть закрыт. Негритянки пели рэп на разные голоса, много смеялись и обсуждали своих парней.

– Мой может девять раз. Фантастика.

– Лучше один раз, но качественно.

В Ричмонде ко мне подсел какой-то чудик: вечный студент, непризнанный гений. Мы кивнули друг другу и затем сохраняли молчание часа два. Удивительная выдержка. Возможно, оба были зачарованы грохотом ливня. Дождь для нас обоих стал идеальным собеседником. Очкарик раскрыл книжку, старомодно обернутую газетой. Читал ее, не перелистывая страниц. То ли ему хватало чтения одной страницы, то ли заучивал ее наизусть. Уже давно стемнело, и мы перестали следить за сменой станций. Любая станция в ту ночь называлась «дождь». Он ехал в Майами: я случайно слышал его разговор с кондуктором. Во Флориде, по уверению работника, его ждала хорошая, солнечная погода. Я бы на его месте не обольщался. Разговорились. Разговор получился коротким, но многозначительным. Я начал сетовать на отсутствие зонтика, но парень лишь отмахнулся. Зачем говорить об очевидном и от тебя не зависящем?

– Смотри, как все хорошо получается. Вечный праздник. – Он апеллировал к своей книге. – «Два камня выстраивают два строения, три камня выстраивают шесть строений, четыре камня выстраивают двадцать четыре строения, пять зданий выстраивают сто двадцать строений, шесть камней выстраивают семьсот двадцать строений, семь камней выстраивают пять тысяч и сорок строений. Отсюда и далее иди и высчитывай то, что уста не могут произнести и не может услышать ухо».

– Ты из строительной компании?

– Это закон жизни! – Студент обиделся.

Я давно перестал удивляться странным попутчикам. Сумасшедшие в поезде – общее место. В автобусах то же самое, но уровень ниже. Автобусы созданы для лохов, абсолютных лохов. Поляков, румын, кануков... В основном – для цветных. В автобусах я дважды проигрался в карты, надрался с каким-то югославом до чертиков, негритянский подросток пытался спарить меня со своей сестрой за сто баксов. Прикинулся порядочным человеком, семьянином. Нормальные люди летают в самолетах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.